

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 23/25+930 DOI 10.25986/IRI.2022.88.2.002

А. Ю. Виноградов
НИУ ВШЭ, Москва, Россия. auvinogradov@hse.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ЦЕРЕМОНИИ ВОКНЯЖЕНИЯ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Развитие домонгольской церемонии вокняжения на Руси представляло собой постепенное усиление в ней церковного начала, которое должно было встраиваться именно в сложившуюся канву чина, бывшего изначально исключительно светским, вероятно, из-за нежелания ставить легитимность вокняжения в зависимость от митрополита-грека и, соответственно, от воли империи. Первым ключевым этапом здесь становится появление среди встречающих нового князя горожан митрополита и клириков при вокняжении Владимира Мономаха в 1113 г., быстро вошедшее в обычай. Второй этап связан с вокняжением Изяслава Мстиславича в 1146 г., где такая встреча клиром превратилась в литию и дополнилась посещением собора с поклонением иконам и, возможно, переносом туда княжеского «стола». Данные новации настойчиво повторялись при последующих занятиях киевского стола Изяславом и его ставленником Вячеславом, а оппоненты Изяслава, напротив, проводили свое вокняжение по старому образцу. Отказавшись от новаций Изяслава, его соперник Юрий Владимирович ввел, по всей видимости, новую церемонию – благословение князя митрополитом. К усилению религиозного начала в церемонии вокняжения в середине XII в. можно отнести и приурочивание вокняжений к воскресным дням, участвовавшее с 1155 г. (11 случаев из 16). Третий этап связан с тем, что с середины 1170-х гг. новации Изяслава Мстиславича стали – полностью или частично – повторяться и в других княжеских центрах. «Триггером» этого могла стать частичная «реабилитация» его новаций в Киеве после окончания русской церковной смуты в 1169 г. В такой перспективе домонгольская церемония вокняжения в Киеве предстает перед нами не как четко оформленный чин, тем более церковный, а как постоянно эволюционирующий – причем не линейно – акт, в котором репрезентационные интенции нового князя должны были быть восприняты горожанами и духовенством. В других княжеских центрах с последней четверти XII в. эта церемония начала проводиться уже в той форме, которая стала складываться в Киеве с середины этого столетия.

Ключевые слова: домонгольская Русь, вокняжение, церемонии, Церковь

В данной научной работе использованы результаты проекта «Границы светского и церковного в Средние века и раннее Новое время: Русь и Западная Европа», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

Церемония вокняжения в домонгольской Руси по сей день остается предметом напряженной дискуссии. Не касаясь других ее аспектов, остановимся в настоящей работе на религиозной составляющей этого чина¹. Среди многочисленных исследований² можно выделить два основных подхода к его истории.

¹ Поэтому мы сознательно не касаемся здесь других аспектов чина вокняжения (например, пира), а также его типологических параллелей в других средневековых обществах.

² Библиографию см.: [Гвозденко].

Часть исследователей – особенно те, кто не занимался разбором всех свидетельств, – считали эту церемонию более или менее одинаковой на протяжении всего XI – первой половины XIII в. Среди них следует выделить тех, чью позицию наиболее ярко выразил А. Поппэ [Porre], считавший эту церемонию изначально церковным чином, заимствованным из Византии через княгиню Анну: с его точки зрения, уже Ярослав Владимирович воссел на «стол» Владимира Святославича, стоявший в Десятинной церкви, а затем сам поставил в Св. Софии свой «стол», на который садились его потомки. Однако свидетельств в пользу такой гипотезы явно недостаточно: в 1016 г. «Ярославъ же сѣде в Києвѣ на столѣ ѿтѣни» (причем Суздальская летопись добавляет «и дѣдни», то есть язычника Святослава Игоревича)³, что представляет собой типичную для всего русского летописания формулу (см. ниже) и не предполагает наличия нового стола у каждого отца интронизируемого князя; в 1139 г. то же родовое преемство подчеркнуто восседанием Вячеслава Владимировича «на столѣ прадѣда своего Ярослава»⁴; а в 1167 г. Мстислав Изяславич вообще восседает «на столѣ Ярославлѣ . и ѿца своего и дѣдѣ своиѣ»⁵. Таким образом, мы имеем здесь дело лишь с формулой «стол предков», а не с конкретным предметом, тем более церковным.

К мнению А. Поппэ присоединился недавно Ю. А. Артамонов [Артамонов], который добавил к его аргументации лишь один по-настоящему новый довод⁶ – знаменитое описание Титмаром Мерзебургским въезда Святополка Владимировича и польского короля Болеслава в Киев в 1018 г.: «[Киев] 14 августа принял Болеслава и своего долго отсутствовавшего сеньора Святополка ... в соборе Святой Софии, который в прошлом году по несчастному случаю сгорел, прибывших с почестями, с мощами святых и прочим всевозможным благолепием встретил архиепископ этого города»⁷. Исследователь, без всякой критики текста, считает описанную церемонию вокняжением Святополка. Однако здесь возникает целый ряд вопросов. Во-первых, насколько точны сведения о деталях этой церемонии у Титмара, который допускает в остальном большие ошибки (ср., например, упоминаемые ниже 400 церквей в Киеве)? Во-вторых, не конструирует ли Титмар, который не был свидетелем данного въезда и который представляет его не как новое вокняжение Святополка (как это выглядело бы из русской перспективы), а лишь как возвращение сеньора, ход церемонии по знакомой ему модели приема государя, как это часто делали оттоновские хронисты [Канджа]? В-третьих, что это за чин интронизации князя с участием мощей святых, не известный ни одному древнерусскому источнику? Но самое главное, Титмар ясно пишет о том, что киевский иерарх встречал в Св. Софии «прибывших» (hos advenientes), то есть не только Святослава, но и Болеслава (они упомянуты вместе и выше) и, возможно, также их спутников. Следовательно, поклонение мощам здесь – это часть обычного ритуала посещения храма, а не княжеской интронизации, иначе же нам придется считать, что русский иерарх интронизировал на киевском столе не только Святослава, но и Болеслава!

Напротив, сравнительный анализ описаний церемонии вокняжения в домонгольской Руси привел ряд исследователей к мысли о ее изменении в этот период истории. Так, Ф. Дворник [Dvornik], считавший ее по преимуществу светской, отметил усиление в ней церковного начала во Владимиро-Суздальском княжестве с конца XII в. Более пристальное изучение описаний

³ ПСРА. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. Стб. 142; СПб., 1908. Т. 2. Стб. 129.

⁴ ПСРА. Т. 1. Стб. 306.

⁵ ПСРА. Т. 2. Стб. 535.

⁶ Таковым нельзя считать христианскую символику на монетных изображениях Владимира на столе (вопреки [Ричка]), так как они просто подражали византийским монетам, а не были частью церемониала вокняжения [Назаренко].

⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2010. Т. 4. Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. С. 80–81; изд.: Thietmar von Merseburg. Chronicon / Hrsg. von R. Holtzmann. Berlin, 1935. (MGH SS rer. Germ. Nova Series. 9). P. 530.

данного чина заставило А. П. Толочко [Толочко, с. 139–147] сдвинуть момент появления в нем церковного начала на конец XI в., впрочем, лишь на основании вокняжения в воскресенье Святослава Изяславича в 1093 г. и Владимира Мономаха в 1113 г., хотя собственно церковной составляющей в нем от этого не появилось. Наконец, К. С. Гвозденко [Гвозденко, с. 28–29] отнесла появление «церковного обряда на stolования» к середине XII в., связывая его с Изяславом Мстиславичем, который первым при вокняжении в 1146 г. посетил городской собор.

Большинство сторонников различных точек зрения по данному вопросу сходилось, однако, в том, что краткие описания вокняжений могут опускать привычные для летописца элементы, а разные летописцы могут фиксировать церемонию вокняжения с разной степенью подробности. Кроме того, число этих описаний считается небольшим по сравнению с числом вокняжений. Все это делает материал летописных описаний вокняжений нерепрезентативным. Однако против однозначности этих аргументов есть ряд серьезных возражений.

Во-первых, у нас нет других описаний вокняжений кроме летописных, так как этот чин никогда не фиксировался в светских и богослужебных уставах или в других источниках. Во-вторых, как мы увидим ниже, все летописные описания вокняжений различаются по своему объему незначительно (у нас нет ни одного по-настоящему подробного рассказа об этом), причем даже самые скупые известия (например, 1151 г.) содержат существенные детали, позволяющие судить о характере церемонии. В-третьих, большинство упоминаний религиозных элементов в описаниях церемонии вокняжения содержится в Киевской летописи, для которой нет общепринятой стратификации, что не позволяет уверенно сравнивать стратегии летописцев и делать выводы о пропуске ими тех или иных деталей.

Наконец, из 19 вокняжений в Киеве, упомянутых в летописи⁸ за 100 лет с появления первого подробного описания данной церемонии (в 1068 г.⁹), конкретных ее деталей не дано только для четырех: Изяслава и Всеволода Ярославичей в 1077 и 1078 гг., Мстислава Владимировича в 1125 г. и Мстислава Изяславича в 1167 г. Следует, однако, учитывать, что в 1125 г., когда интересующий нас религиозный элемент в чине вокняжения известен только в виде встречи въезжающего в город нового князя иерархом с клириками (см. ниже)¹⁰, ее отсутствие можно объяснить прямой передачей власти умирающим князем находящемуся при нем сыну, без его торжественного въезда, требовавшего подобной встречи. Итак, детали церемонии вокняжения встречаются почти в четырех пятых всех случаев ее упоминания, так что данная выборка вполне репрезентативна. Это не означает, конечно, что в оставшихся случаях никакой церемонии вокняжения не было – о ее деталях остается, однако, только догадываться.

Для оценки возможности выявить динамику развития данной церемонии крайне важным представляется анализ распределения религиозных элементов в детальных описаниях чина вокняжения. Дадим вначале для удобства читателя текст таких известий (за исключением неудавшихся попыток вокняжения).

Киев

1068 г.: «людѣ же высѣкоша Всеслава ис поруба . въ . ёі . днѣ семтабра . и прославиша и средѣ двора кѣнажа»¹¹.

⁸ Имеются в виду упоминания именно удачных попыток вокняжения, с соответствующими формулами типа «сѣде». Еще в трех случаях занятие князем Киева не сопровождается упоминанием о вокняжении: у Ярополка Владимировича в 1133 г., Всеволода Ольговича в 1140 г. и Изяслава Давыдовича в 1158 г.

⁹ До этого отсутствие деталей вокняжения объясняется во многом значительно более поздним описанием этих событий летописцем, который не был их очевидцем.

¹⁰ Вообще, описание деталей церемонии вокняжения касается в летописях преимущественно въезда нового князя.

¹¹ ПСРА. Т. 1. Стб. 171; Т. 2. Стб. 162.

1069 г.: «Изаславу же идуцю къ гра^а. И изидоша людѣе противу с поклономъ и приаша князь свои Къянѣ и сѣде Изаславъ на столѣ своемъ мѣца маѣ въ . в̄ . днѣ»¹².

1073 г.: «Сѣслав же . и Всеволодъ . внидоша в Къевѣ . мѣца марта въ . к̄в . и сѣдоша на столѣ на Берестовомъ»¹³.

1093 г.: «днѣ . а^нтипасхы . мѣца . апрѣла . въ . к̄д . днѣ . приде Сѣполкъ Киеву . изидоша противу ему Киане с поклономъ . и приаша с радостью . и сѣде на столѣ шѣца своего . и стрѣна своего»¹⁴.

1113 г.: «Володимеръ Мономахъ . сѣде Къевѣ в недѣлю . оусрѣтоша же и митрополитъ Никифоръ . сь епѣпы и со всеми Киане . с честию великою . сѣдѣ на столѣ шѣца своего и дѣдѣ своихъ»¹⁵.

1139 г.: «и вниде Вачеславъ бра^т ѣго в Къевѣ . и людѣ^м с митрополито^м срѣтши^м ѣго . и посадиша и на столѣ прадѣда своего Йрослава»¹⁶.

1146 г.: «Изаславъ же възрѣвъ на нѣбо и похвали Бѣ и силоу животворящаго крѣста въ таковой помощи его . с великою славою и чѣтью въѣха в Къевѣ . и внидоша противу ему множество народа . игоумени съ черноризци . и попове всего города Къева в ризахъ . и приѣха къ сѣои Софѣи . и поклониса сѣои Бѣци и сѣде на столѣ дѣда своего и шѣца своего»¹⁷.

1149 г.: «Гюрги же поѣха оу Къевѣ . и множество народа вѣде противу ему . с радостью великою . и сѣде на столѣ шѣца своего хвала и слава Бѣ»¹⁸.

1150 г.: «Къане . же рекоша . Изаславоу ты нашъ кнѣзь поѣди же къ сѣои Софѣи . сади на столѣ шѣца своего и дѣда своего... Изаславъ же поклонивъса сѣои Софѣи и възвѣха на дворѣ... а Изаславъ сѣде Къевѣ»¹⁹.

1150 г. (второй случай, далее обозначается как 1150'): «Къане же оуслышавше Изаслава изидоша противу ему . с радостью . Изаславъ же . въ Къевѣ сѣде . на столѣ дѣда своего и шѣца своего . с честию великою... Изаславъ же шѣ сѣои Софѣи . поѣха и съ братьею на Йрославль дворѣ и Оугры позва со собою на шѣдѣ и Къангы»²⁰.

1151 г.: «Вачьславъ же оуѣха в Къевѣ и ѣха къ сѣои Софѣи . и сѣде на столѣ дѣда своего и шѣца своего»²¹.

1154 г.: «Къане же вси изидоша с радостью великою . противу своему кнѣзю и тако бѣша ему ради вси . и вса Руская земля . и вси Чернии Клобуци . шбравашаса . шже Ростиславъ пришелъ в Къевѣ... и посадиша Къане...»²².

1155 г.: «И тако Дюрги блѣгодара Бѣ вниде въ Къевѣ . вниде противу ему множество народа и сѣде на столѣ шѣцъ своихъ . и дѣдѣ . и приа с радостью вса земля Руская»²³.

1160 г.: «Поиде Ростиславъ снѣ Мъстиславъ . и Смоленска къ Киеву на столѣ . и вниде в Къевѣ . мѣца апрѣла въ . в̄ . днѣ на възкрѣние . тогда бо бѣ паска чѣтнаѣ . и срѣтоша вси людие . и множество народа . приаша и людие . с достохваною чѣтью . и сѣде на столѣ дѣда своего и шѣца своего сии блѣговѣрнии кнѣзь . Ростиславъ . и бы^с людѣмъ двоѣѣ радость . и възкрѣние Гнѣ и кнѣже сѣдение»²⁴.

¹² ПСРА. Т. 2. Стб. 163; Т. 1. Стб. 174.

¹³ ПСРА. Т. 2. Стб. 172; Т. 1. Стб. 182.

¹⁴ ПСРА. Т. 2. Стб. 209; Т. 1. Стб. 218.

¹⁵ ПСРА. Т. 2. Стб. 276.

¹⁶ ПСРА. Т. 1. Стб. 306.

¹⁷ ПСРА. Т. 2. Стб. 327.

¹⁸ Там же. Стб. 384.

¹⁹ Там же. Стб. 397–398.

²⁰ Там же. Стб. 416.

²¹ Там же. Стб. 418.

²² Там же. Стб. 470–471.

²³ Там же. Стб. 478.

²⁴ Там же. Стб. 504.

1174 г.: «и приде Романъ Киеву и оусрѣтоша и съ крѣты митрополитъ . и архимандритъ Печѣрьскый . игуменъ и инии игумени вси . и Киане вси и братья его... князь же Романъ вниде въ Киевъ . и сѣде . на столѣ вѣща своего и дѣда... и бы^с радость всимъ члвкомъ . в Романовѣ княженъи»²⁵.

1194 г.: «и поѣха Рюрикъ Къиевоу . изидоша противоу емоу со крѣты митрополитъ игоумени вси . и Киани вси ѿ мала и до велика . с радостью великою . Рюрикъ же вшедъ во стоую Софью . и поклониса стмоу Спсоу и стѣи Бѣѣ . и сѣде на столѣ дѣда своего . и вѣща своего . славою и съ чѣтью великою . и шбравоваса вса Роускаа земля . в княженъи Рюриковѣ . Къпанѣ и крѣтыани и погании»²⁶.

Владимир-на-Клязьме

1175 г.: «Ирополка княза посадиша Володимерычѣ . с радостью . в городѣ Володимѣрѣ на столѣ въ стѣи Бѣѣ»²⁷.

1176 г.: «взидоша же с^о крѣты противу Михалку и брату ѿго Всеволоду . игумени и попове . и вси людье . и вѣха в городъ к стѣи Бѣѣ»²⁸.

1177 г.: «Володимерци же поманувше Бѣ и крѣтною цѣлованье . к великому князю Гюргю . вышедше передъ Золотаа ворота . цѣловаша крѣтъ . ко Всеволоду князю брату Михалку . и на дѣтехъ ѿго . посадиш^а . на шти и на дѣдни столѣ в Володимери»²⁹.

Смоленск

1180 г.: «поѣха . борзо к Смоленскоу . и оустрѣте и епѣпъ Костантинъ . съ крѣты и со игоумены и с попы вси Смольнани . и вшедъ дѣдъ въ цркъвь . стѣи Бѣѣ . и сѣде на столѣ дѣда своего вѣща своего»³⁰.

Новгород

1178 г.: «пришедшоу емоу . к Новоугородоу . и оустрѣте епѣпъ с^о крѣты . и с Новгородци . и игоумены . и вси вшедше во стоую Софью и поклонишаса . стмоу Спсоу и стѣи Бѣѣ . и сѣде на столѣ дѣда своего . и вѣща своего . со славою и с чѣтью великою»³¹.

1200 г.: «Приде же князь Святославъ въ Новѣгородъ . сынъ Всеволожъ . вѣнукъ Гюргевъ . мѣсяця генваря въ 1 . на святого Василия . и посадиша и на столѣ въ святѣи Софии . и обрадовася въсь Новѣгородъ»³².

1206 г.: «и пришедшоу же ѿму Новугороду . мѣца . марта . въ . к . стго вѣща Никыты в днѣ недѣлннъи . и изидоша со крѣты противу ѿму с чѣтью великою . множество народа съ епѣпмъ Митрофаномъ . ѿ мала и до веліка . и бы^с радос^ь велика Новѣградѣ... и пришедшоу ѿму в цркъвь стѣи Софья . и посадиша и на столѣ . и поклоншеса и цѣловаша и с чѣтью... и поклонишиса ѿму . и ѿтолѣ приде в свою обитѣль»³³.

1215 г.: «и вѣиде князь Ярославъ въ Новѣгородъ . и усрѣте и архиепископъ Антонъ съ новгородѣци»³⁴.

Переславль-Залесский

1201 г.: «Переяславци же поимше князя своего Ярослава от Святого Спаса . поидоша с радостью великою»³⁵.

²⁵ Там же. Стб. 568. Вероятно, в реальности имело место в 1171 г. [Гвозденко, с. 24, примеч. 49].

²⁶ ПСРА. Т. 2. Стб. 681.

²⁷ ПСРА. Т. 2. Стб. 597; Т. 1. Стб. 374.

²⁸ ПСРА. Т. 1. Стб. 377; Т. 2. Стб. 602.

²⁹ ПСРА. Т. 1. Стб. 379–380.

³⁰ ПСРА. Т. 2. Стб. 616.

³¹ Там же. Стб. 607.

³² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. Стб. 44–45, 238–239.

³³ ПСРА. Т. 1. Стб. 423.

³⁴ Там же. Стб. 53.

³⁵ ПСРА. М., 1995. Т. 41. С. 123.

Галич

1211 г.: «посадиша княза Данила на столѣ вѣа своего великаго княза Романа . во црѣкви стѣа Бѣа при двѣа Мрѣа»³⁶.

1238 г.: «Данило же вниде во градъ свои . и прииде ко прѣтѣ стѣи Бѣи . и приа столѣ вѣа своего»³⁷.

Теперь для наглядности представим распределение религиозных элементов в виде двух таблиц.

Таблица 1

Религиозные элементы при вокняжении в Киеве³⁸

	встреча иерархом (с клиром)	встреча с литией	посещение собора	поклонение иконам в соборе	восседание на «стол» в соборе	др. ³⁸
1068	–	–	–	–	–	–
1069	–	–	–	–	–	–
1073	–	–	–	–	–	–
1093	–	–	–	–	–	?
1113	+	–	–	–	–	–
1139	+	–	–	–	–	–
1146	+	+	+	+	?	+
1149	–	–	–	–	–	+
1150	–	–	+	–	?	–
1150'	–	–	+	–	?	–
1151	–	–	+	–	?	–
1154	–	–	–	–	–	–
1155	–	–	–	–	–	+
1160	–	–	–	–	–	+
1174	+	+	–	–	–	–
1194	+	+	+	+	?	–

Таблица 2

Религиозные элементы при вокняжении в других русских городах

	встреча иерархом (с клиром)	встреча с литией	посещение собора	поклонение иконам в соборе	восседание на «стол» в соборе	др.
Владимир						
1175	–	–	+	–	+	–
1176	–	+	+	–	–	–
1177	–	–	–	–	–	+
Новгород						
1178	+	+	+	+	?	–
1200	–	–	+	–	+	–
1206	+	+	+	–	+	?

³⁶ ПСРА. Т. 2. Стб. 726.

³⁷ Там же. Стб. 778.

³⁸ То есть другие христианские элементы в описании вокняжения (так же в таблице 2).

1215	+	–	–	–	–	–
Смоленск						
1180	+	+	+	–	?	–
Переславль-Залесский						
1201	–	–	+	–	–	–
Галич						
1211	–	–	+	–	?	–
1238	–	–	+	–	?	–

Из анализа распределения религиозных элементов в описаниях чина вокняжения можно сделать несколько важных выводов.

1. До 1113 г. религиозный компонент в чине вокняжения вообще не фиксируется. В 1068 г. Всеслава Брючиславича славят на княжеском дворе. В 1069 г. Изяслава Ярославича и в 1093 г. Святополка Изяславича киевляне встречают с поклоном и принимают, после чего князь садится на свой «стол». В 1073 г. Святослав и Всеволод Ярославичи входят в Киев и садятся на «столе» в Берестове, что указывает на занятие княжеской резиденции как основной элемент ранней церемонии вокняжения. Упоминание же вокняжения на антипасху в 1093 г. нельзя считать несомненным религиозным элементом церемонии.

2. Религиозная составляющая в данной церемонии впервые четко проявляется в 1113 г., когда Владимира Мономаха вместе с киевлянами встречают митрополит Никифор и епископы. Однако ни о каких их священнодействиях здесь не сообщается: наряду с горожанами, иерархи просто выражают свое согласие принять Владимира князем. То же самое происходит и в 1139 г. с Вячеславом Владимировичем, только с уточнением, что «люди с митрополитом» посадили его на «столе Ярослава». Возможное участие епископа в интронизации князя мы видим и в Новгороде в 1136 г. [Толочко, с. 146]. Вокняжение в 1146 г.³⁹ Изяслава Мстиславича следует той же схеме: его встречают киевляне с игуменами, монахами и священниками города (митрополита на Руси в тот момент не было). Однако затем эта традиция прерывается и снова проявляется в Киеве только с 1174 (или 1171) г., в Смоленске – с 1180 г., а в Новгороде – с 1206 г. Впрочем, тут следует отметить, что во всех случаях в 1146–1167 гг. этому препятствовали различные обстоятельства: в 1149 г. митрополит Климент Смолятич покинул Киев вместе с Изяславом; в 1150 г. он мог еще не успеть вернуться в город, переходивший из рук в руки; в 1151 г. не было торжественной встречи Вячеслава как нового князя, так как он уже находился в Киеве; в 1154 г. Ростислав не признавал Климита митрополитом; в 1155 г. тот вообще бежал из города; в 1160 г. новый митрополит не был пока поставлен; к 19 мая 1167 г. митрополит Константин II еще не прибыл на Русь. Поэтому нет оснований полагать, что в детальных описаниях церемоний за эти годы встречи нового князя митрополитом не описаны – скорее всего, их просто не было по вышеуказанным причинам, а при изменении ситуации данный обычай сразу возродился, тем более что в 1146 г. все киевские клирики князя встречали. С другой стороны, столь длительная лакуна показывает, что встреча князя клиром к середине XII в. не стала необходимой частью церемонии вокняжения.

3. В церемонии вокняжения Изяслава в 1146 г. присутствует важная новация, не отмеченная исследователями: священнослужители были «в ризах», то есть в богослужебном

³⁹ Экстраординарное (еще при жизни брата-князя) вокняжение Игоря Ольговича в 1146 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 320–322) отличается уникальными деталями: двукратным (до и после смерти Всеволода Ольговича) целованием креста и признанием со стороны киевлян. За этим, впрочем, следуют стандартные занятия Ярославова двора и пир. Здесь также впервые появляется присяга князю вне Киева, которая затем будет описываться как принятие нового князя «всей Русской землей», то есть Южной Русью.

одеянии, а сама встреча князя носила, следовательно, характер литии. Соответственно, и этот акт, инкорпорированный в обычай встречи нового князя иерархом, аналогичным образом прервался в Киеве до 1174 (или 1171) г., а вне его фиксируется также с середины 1170-х гг. (с 1176 г. во Владимире, с 1178 г. в Новгороде, с 1180 г. в Смоленске).

4. Как отметила К. С. Гвозденко [Гвозденко, с. 28–29], в 1146 г. в церемонии вокняжения Изяслава появилась еще одна новация – князь вошел (очевидно, вместе со встречавшими его клириками «в ризах») в Св. Софию. Само поклонение князя основным храмам города вполне обычно⁴⁰, однако при вокняжениях прежде не упоминалось. Подробные же летописные описания следующих вокняжений дают очень показательную его картину. В рассказах о двух повторных вокняжениях Изяслава в 1150 г. снова упоминается посещение Св. Софии, а приглашенный Изяславом в 1151 г. Вячеслав также едет сперва к Св. Софии. Напротив, и для оппонента Изяслава Юрия Владимировича в 1149 и 1155 гг., и для Ростислава Мстиславича в 1154 и 1160 гг. упоминаются лишь встреча киевлянами и посажение на «столе» (напомним также, что митрополит Михаил, уезжая из Киева в 1145 г., запретил в свое отсутствие любые епископские богослужения в Св. Софии Киевской (см.: [Виноградов, Желтов, 2018])). Такое распределение вряд ли может быть случайным – оно указывает на то, что этот обычай, совершенно неизвестный до 1146 г., был введен именно Изяславом. Вероятно, именно тесная связь данного обычая с Изяславом и его ставленником Климом Смолятичем и стала препятствием для его непосредственной рецепции. В Киеве собор снова посещает только Рюрик Ростиславич в 1194 г., однако уже раньше этот обычай фиксируется в других княжеских центрах: во Владимире в 1175 г., в Новгороде в 1178 г., в Смоленске в 1180 г. (ср. ниже).

5. В 1146 г. также впервые упоминается, что князь, посетив Св. Софию, «поклониса стѡи Бѣи». Формально это можно было бы толковать и как посещение Изяславом церкви Богородицы Десятинной. Впрочем, в 1194 г. Рюрик Ростиславич «поклониса стѡу Спѣоу и стѣи Бѣѣ», так что в таком случае пришлось бы предполагать еще и поклонение храму Спаса на Берестове. Однако дословное повторение последней формулы при описании вокняжения Мстислава Ростиславича в Св. Софии Новгородской в 1178 г. показывает, что речь, как и предполагалось [Гвозденко, с. 23], идет об иконах Христа и Богородицы. Первоначально Изяслав поклонялся – да и то лишь при первом вокняжении – одной иконе Богородицы, очевидно, особо почитаемой: этот обычай мог быть введен по византийскому образцу⁴¹. Затем же этот обычай был переосмыслен в рамках обычной византийской практики целования парных икон Христа и Богородицы при входе в храм или алтарь (священнослужителями), хотя и не нашел большого распространения.

6. Самый дискуссионный религиозный аспект домонгольской церемонии вокняжения – вопрос о размещении трона-«стола», на который восседает новый князь, внутри собора. А. Поппэ, правда без достаточных оснований (см. выше), предполагал, что такой трон существовал уже при Владимире, а К. С. Гвозденко [Гвозденко, с. 23–33], напротив, отрицала такую возможность вообще. Однако, к сожалению, исследовательница не разобрала всех контекстов упоминания «стола» в связи с собором, а между тем его присутствие там несомненно для Владимира 1175 г. («на столѣ въ стѣи Бѣи»), Новгорода 1200 г. («на столѣ въ святѣи Софии») и 1206 г. («пришедшю юму в црѣвь стѣя Софѣя . и посадиша и на столѣ... и ѡтолѣ приде в свою обитѣль») и Галича 1211 г. («посадиша княза Данила на столѣ ѡца своего великаго княза Романа . во црѣвѣи стѣа Бѣа при двѣа Мрѣа»). Для Киева размещение трона в городском соборе прямо не указывается, но и не может быть исключено, в том числе и для

⁴⁰ Ср.: ПСРА. Т. 2. Стб. 403.

⁴¹ Ср.: «О церемониях» II, 12 (Constantinus Porphyrogenitus. De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo. Bonn, 1829. Vol. 1 / Ed. J. J. Reiske. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae. 10). P. 557–563).

вокняжения Изяслава в 1146 г., где «стол» упомянут сразу за Св. Софией («и приѣха къ стои Софьи . и поклониса стои Бѣи и сѣде на столѣ»; ср. аналогичные формулы в 1151 и 1194 гг.). Поэтому можно с осторожностью предположить, что помещение «стола» в соборе было еще одной новацией Изяслава в 1146 г., которая, как и другие его новшества, получила рецепцию только с 1170-х гг.

7. Несомненные религиозные элементы в описаниях церемоний вокняжения вне Киева появляются с большим запозданием – только с 1175 г. Этот факт нельзя объяснить одним отсутствием местного летописания, которое сохранилось для Новгорода и Суздаля. Кроме того, церковная составляющая этих церемоний уже в 1176–1180 гг., притом в разных городах, довольно развита: она включает в себя не только литийную процессию встречи князя иерархом с клиром, но и посещение кафедрального собора. Можно предположить, что толчок к появлению подобных церемоний в Новгороде, Владимире и Смоленске во второй половине 1170-х гг. дали какие-то процессы в Киеве: не случайно, в 1174 (или 1171) г. при вокняжении Романа Ростиславича снова, после перерыва в четверть века, упоминается встреча с литией.

Итак, мы видим, что развитие домонгольской церемонии вокняжения на Руси представляло собой, по сути, постепенное усиление в ней церковного начала. Учитывая, что изначально данная церемония состояла из торжественного въезда нового князя в город (опускавшегося, правда, при передаче власти умирающим князем), последующего восседания на княжеский «стол», занятия княжеского двора и заключительного пира, церковные элементы должны были встраиваться именно в эту светскую канву, а не создавать совершенно новые чинопоследования. Мы можем выделить здесь три ключевых этапа.

Первый – это появление среди встречающих нового князя горожан митрополита и клириков при вокняжении Владимира Мономаха в 1113 г., быстро и прочно вошедшее в обычай. о причинах этой новации остается только догадываться – возможно, она возникла под византийским влиянием, особенно если эта встреча происходила не у городских ворот (там патриарх никогда не встречал императора), а внутри города. Впрочем, следует отметить, что никакого церковного чина как такового здесь еще нет: иерарх и клирики просто встречают своего нового правителя наряду с остальными горожанами.

Второй этап связан с вокняжением Изяслава Мстиславича в 1146 г., где такая встреча клиром превратилась в литию и дополнилась посещением собора с поклонением иконам и, возможно, переносом туда княжеского «стола»: поскольку митрополита в Киеве в это время не было, инициатором этих новаций был, очевидно, сам Изяслав (через год осуществивший еще одну – поставление митрополита Киевского русскими епископами), по всей видимости, для дополнительной легитимации своего вокняжения, особенно в отсутствие митрополита. Данные новации настойчиво повторялись при последующих занятиях киевского стола Изяславом и его ставленником Вячеславом: повторение ритуала при каждом новом вокняжении показывает, что в Киеве не существовало однократного интронизационного священнодействия (типа византийского венчания на царство), в отличие от епископов, у которых возвращение на кафедру не требовало новой интронизации (см.: [Виноградов, Желтов, 2019]). Напротив, оппоненты Изяслава проводили свое вокняжение по старому образцу (только без встречи митрополитом, которого в Киеве тогда не было). Отказавшись от новаций Изяслава, его соперник Юрий Владимирович ввел, по всей видимости, новую церемонию – благословение князя митрополитом (прибывшим из Царьграда в 1156 г. «каноничным» первоиерархом Константином I), оформленное, вероятно, также по византийскому образцу (ср.: [Толочко, с. 145]) и позднее воспринятое на Руси (ср., например, вокняжение во Владимире Вольнском

в 1287 г.⁴²). К усилению религиозного начала в церемонии вокняжений в середине XII в. можно отнести и их приурочивание к воскресным дням, участившееся с 1155 г. (11 случаев из 16), что прямо подчеркнуто летописью в 1160 г. Впрочем, преувеличивать значение приурочивания вокняжений к воскресным и праздничным дням не следует (ср.: [Виноградов]), а самое главное, его нельзя считать частью чина интронизации.

Третий этап связан с тем, что с середины 1170-х гг. новации Изяслава Мстиславича (встреча нового князя с литией, посещение собора, поклонение иконе и восседание на «стол» в соборе) стали – полностью или частично – повторяться и в других княжеских центрах: церковная процессия и посещение кафедрального собора перед посажением на стол упомянуты во Владимире-на-Клязьме у Ярополка Ростиславича в 1175 г. (без литии) и Михалка Юрьевича в 1176 г., в Смоленске у Давыда Ростиславича в 1180 г. и в Новгороде у Мстислава Ростиславича в 1178 г. Причины столь поздней – через 30 лет – рецепции данных новаций кроются, судя по всему, в церковной политике Изяслава, который из-за поставления митрополитом Клима Смолятича без согласия патриарха вошел в конфликт с проконстантинопольски настроенными князьями и епископами, наотрез отказывавшимися принимать любые его инициативы. Более того, после того как в 1147 г. Св. София Киевская *de facto* стала кафедральным собором автокефальной Церкви, вхождение в нее суверена при своей интронизации волей-неволей должно было напоминать аналогичный чин императорской коронации. Это объясняет, с одной стороны, быстрое одобрение этой новации киевлянами, которые уже в 1151 г. говорят Изяславу: «ты наш кнѣзь поѣди же къ сѣои Софѣи», а с другой – ее неприятие «константинопольской» партией, которое и привело к двадцатипятилетнему перерыву в применении новаций Изяслава.

«Триггером» же возвращения к наследию Изяслава в разных городах Руси в 1170-е гг. могла стать частичная «реабилитация» его новаций (по крайней мере, встречи с литией) в Киеве после окончания русской церковной смуты в 1169 г. При вокняжении Романа Ростиславича в 1174 (или даже 1171) г. они были восприняты, наконец, «каноничным» митрополитом (Михаилом II)⁴³ – это объясняет и запоздалое появление религиозного компонента в чине вокняжения вне Киева. При этом данные новации вводят там как Мстиславичи (Мстислав Ростиславич в Новгороде в 1178 г., Давыд Ростиславич в Смоленске в 1180 г.), так и Юрьевичи (Ярополк Ростиславич во Владимире в 1175 г.). Впоследствии же они были, полностью или частично, переняты всеми Рюриковичами, став устойчивыми локальными традициями: мы видим их и в Киеве у Рюрика Ростиславича (в 1194 г.), и в Новгороде у Всеволодовичей: Святослава (в 1200 г.), Константина (в 1206 г.) и Ярослава (в 1215 г.; без упоминания собора), и в Галиче у Даниила Романовича (в 1211 и 1238 гг.).

В такой перспективе домонгольская церемония вокняжения в Киеве предстает перед нами не как четко оформленный чин, тем более церковный, а как постоянно эволюционирующий – причем не линейно – акт, в котором репрезентационные интенции нового князя должны были быть восприняты горожанами и духовенством. А вот в других княжеских центрах с последней четверти XII в. эта церемония начала проводиться уже в той форме, которая стала складываться в Киеве с середины этого столетия, когда религиозная ее составляющая была значительно усилена для дополнительной легитимации власти князя в его нелегкой борьбе за киевский стол.

В политическом контексте ранний этап церемонии вокняжения в Киеве, в которой полностью отсутствовал церковный элемент, следует связывать не только с изначально светским характером занятия стола, но и с нежеланием ставить его легитимность в зависимость от митрополита-грека и, соответственно, от воли империи⁴⁴. Появившаяся при Владимире

⁴² Там же. Стб. 905.

⁴³ В 1173 г., при вокняжении Ярослава Изяславича, их могли сознательно избегать из-за «призрака Изяслава».

⁴⁴ Благодарю за это ценное замечание А. А. Горского.

Мономахе встреча нового князя митрополитом и клириками не меняла сути этого акта, а лишь придавала ему дополнительную торжественность и сакральность, не делая при этом одобрение вокняжения Церковью обязательным. «Церковное» же вокняжение Изяслава Мстиславича в 1146 г. было проведено в отсутствие митрополита-грека, а затем эти церемониальные новации были повторены уже при его ставленнике-русине Климе Смолятиче. Крах проекта автокефалии Русской митрополии вкупе с конфликтом с новоприбывшими иерархами-греками заставил киевских князей отказаться и от активного внедрения церковного элемента в чин вокняжения. Однако с окончанием данного церковного кризиса после 1169 г., снявшим проблему конфликта с Константинополем, эта естественная для христианского общества сакрализация церемонии интронизации правителя спокойно вошла в практику не только Киева, но и других русских княжеств.

Литература

- Артамонов Ю. А. Об участии церкви в интронизации князей Древней Руси // Восточная Европа в древности и Средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2021. Вып. 33. С. 13–18.
- Виноградов А. Ю. День освящения храма в традиции Восточной Церкви (IV–XIII вв.): стратегии выбора // Средние века. 2012. Т. 73. № 1–2. С. 154–177.
- Виноградов А. Ю., Желтов М., свящ. Правовые акты Русской митрополии при Константине I (1156–1159 гг.) // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М., 2018. С. 35–56.
- Виноградов А. Ю., Желтов М., свящ. Порядок вступления иерархов на кафедру в домонгольской Руси и вопросы хронологии первых митрополитов Киевских // Богословские труды. М., 2019. Вып. 49. С. 155–169.
- Гвозденко К. С. Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 17–35.
- Канджа И. С. Символическая коммуникация в империи Оттонов по «Хронике» Титмара Мерзебургского. Выпускная квалификационная работа бакалавра. М., 2015. 124 с.
- Назаренко А. «Владимиръ на столъ»: тронные изображения на монетах крестителя Руси // Анатолия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время. М., 2021. С. 66–88.
- Ричка В. «Владимиръ на столъ» (Обряд інтронізації в Київській Русі) // Ruthenica. 2007. Т. 6. С. 115–133.
- Толочко А. П. Князь в Киевской Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. 224 с.
- Dvornik F. Byzantine Political Ideas in Kievan Russia // *Dumbarton Oaks Papers*. 1956. Vol. 9/10. P. 116–121.
- Poppe A. The Enthronement of the Prince in Kievan Rus' // *The 17th International Byzantine Congress: Abstracts of Short Papers*. Washington, 1986. P. 272–274.

References

- Artamonov, Yu. A. Ob uchastii tserkvi v intronizatsii knyazei Drevnei Rusi [On the Participation of the Church in the Enthronement of the Princes of Old Rus]. In *Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'e. Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V. T. Pashuto*. Moscow, 2021. Issue 33. Pp. 13–18.
- Dvornik, F. Byzantine Political Ideas in Kievan Russia. In *Dumbarton Oaks Papers*. 1956. Vol. 9/10. Pp. 116–121.
- Gvozdenko, K. S. Tseremoniya knyazheskoi intronizatsii na Rusi v domongol'skii period [The Ceremony of Prince's Enthronement in Pre-Mongol Rus']. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2009. No. 1 (35). Pp. 17–35.
- Kandzha, I. S. Simvolicheskaya kommunikatsiya v imperii Ottonov po "Khronike" Titmara Merzeburgskogo [Symbolic Communication in the Ottonian Empire according to the "Chronicle" of Titmar of Merseburg]. Bachelor's final qualifying work. Moscow, 2015. 124 p.

- Nazarenko, A. "Vladimir" na stole": tronnye izobrazheniya na monetakh krestitelya Rusi ["Vladimir on the Throne": Throne Images on Coins of the Baptist of Russia]. In *Anatomiya vlasti: gosudari i poddannye v Evrope v Srednie veka i Novoe vremya*. Moscow, 2021. Pp. 66–88.
- Poppe, A. The Enthronement of the Prince in Kievan Rus'. In *The 17th International Byzantine Congress: Abstracts of Short Papers*. Washington, 1986. Pp. 272–274.
- Richka, V. "Vladimir" na stole" (Obryad intronizatsii v Kiivs'kii Rusi) ["Vladimir on the Throne" (The Rite of Enthronement in Kievan Rus)]. In *Ruthenica*. 2007. Vol. 6. Pp. 115–133.
- Tolochko, A. P. Knyaz' v Kievskoi Rusi: vlast', sobstvennost', ideologiya [The Prince in Kievan Rus: Power, Property, Ideology]. Kiev, 1992. 224 p.
- Vinogradov, A. Yu. Den' osv'yashcheniya khrama v traditsii Vostochnoi Tserkvi (IV–XIII vv.): strategii vybora [The Day of the Consecration of the Temple in the Tradition of the Eastern Church (4th – 13th Centuries): Selection Strategies]. In *Srednie veka*. 2012. Vol. 73. No. 1–2. Pp. 154–177.
- Vinogradov, A. Yu., Zheltov, M., priest. Pravovye akty Russkoi mitropolii pri Konstantine I (1156–1159 gg.) [Legal Acts of the Russian Metropolia under Constantine I (1156–1159)]. In *U istokov i istochnikov: na mezhdunarodnykh i mezhdistsiplinarnykh putyakh. Yubileinyi sbornik v chest' Aleksandra Vasil'evicha Nazarenko*. Moscow, 2018. Pp. 35–56.
- Vinogradov, A. Yu., Zheltov, M., priest. Poryadok vstupleniya ierarkhov na kafedru v domongol'skoi Rusi i voprosy khronologii pervykh mitropolitov Kievskikh [The Order of Accession of Hierarchs to the Cathedra in Pre-Mongol Rus and the Chronology of the First Metropolitans of Kiev]. In *Bogoslovskie trudy*. Moscow, 2019. Issue 49. Pp. 155–169.

Andrey Yu. Vinogradov
HSE University, Moscow, Russia

RELIGIOUS ASPECT OF THE PRINCE'S ENTHRONEMENT IN THE PRE-MONGOL RUS

The development of the ceremony of prince's enthronement in pre-Mongol Rus represents a gradual strengthening of the ecclesiastical element, which had to be built into its established outline, which was initially exclusively secular, probably due to the unwillingness to make the legitimacy of enthronement dependent on the Greek metropolitan and, accordingly, on the will of the Byzantine Empire. The first key stage was the appearance of the metropolitan and clerics among the townspeople meeting the new prince during the enthronement of Vladimir Monomakh in 1113, which quickly became a custom. The second stage was connected with the enthronement of Izyaslav Mstislavich in 1146, where such a meeting by the clergy turned into a litany and was supplemented by a visit to the cathedral with the worship of icons and, possibly, the transfer of the princely throne there. These innovations were persistently repeated during subsequent enthronements of Izyaslav and his protégé Vyacheslav, but Izyaslav's opponents, on the contrary, carried out their enthronement according to the old model. Having refused Izyaslav's innovations, his rival Yuri Vladimirovich, apparently introduced a new ceremony – blessing of the prince by the metropolitan. The strengthening of the religious element in the enthronement ceremony in the mid-12th century can also be linked with its completion on Sunday, which became more frequent since 1155 (11 cases out of 16). The third stage is connected with the fact that since the mid-1170s, the innovations of Izyaslav Mstislavich began to be fully or partially repeated in other princely centers. The 'trigger' therefor could be the partial 'rehabilitation' of his innovations in Kiev after the end of the Russian church troubles in 1169. In this perspective, the pre-Mongol enthronements in Kiev appear not as a clearly formed ceremony, especially an ecclesiastical one, but as a constantly evolving – and not linearly – act in which the representative intentions of the new prince were to be perceived by the townspeople and clergy. In other centers, since the last quarter of the 12th century, this ceremony began to be held in the form shaped in Kiev since the middle of this century.

Keywords: pre-Mongol Rus, prince's enthronement, ceremonies, Church